Иван Монолатий

Город как объект украинско-еврейской конкуренции в Западной Украине (конец XIX — начало XX в.)

Постановка вопроса

В условиях вертикальных межэтнических отношений и конкуренции групп в различных сферах общественной жизни целесообразным является изучение противоречий и конфликтов «чужих» по сферам их проявления. В результате соревнования за экономические ресурсы или социокультурные ценности происходят межэтнические напряжения. Определяющим фактором последних в полиэтническом аграрно-индустриальном обществе выступает, несомненно, конфликт за землю (Бовуа, 1998: 82–140). Вместе с тем в условиях острой недостачи земли в объект противостояния превращается и город. Эта тенденция становится особенно очевидной тогда, когда он выступает своеобразным анклавом инаковости или, как в случае с Западной Украиной конца XIX — начала XX в., ассоциируется этническим большинством с политическими и культурными влияниями «чужих».

Проблема города как предмета межэтнической напряженности, конфронтации и конфликта не является типичной ни для современных украинских студий в области истории, ни для этнополитологии. Это, понятно, не значит, что ученые игнорируют ее. Примером исследований историков последних лет является публикация Н. Драка — нарратив о национальном составе населения городов и местечек Восточной Галиции в 1880–1910 гг. (Драк, 2004: 276–282). Между тем этноконфликтолог В. Котигоренко обозначил отдельные теоретические аспекты проблемы: взаимосвязь этничности и экономического развития в период «стихийной» модернизации и глобализации (Котигоренко, 2002: 100).

Недостаточное состояние научной разработки проблемы определяет актуальность ее последующего изучения. Значимыми задачами, которые и попытаемся решить в данной статье, являются: выяснение причин межэтнической украинско-еврейской конкуренции за доминирование в городах, роли этнических субъектов в ней, определение корреляционной роли борьбы за город в формировании межэтнических

отношений. Источниковой базой статьи послужили в первую очередь отдельные документальные материалы украинских и зарубежных архивов, которые можно использовать как подтверждение некоторых исследовательских гипотез, а также монографии, избранные статьи по этнополитологии.

Вначале заметим, что причины межэтнической конкуренции в Западной Украине за города — контроверсийные. *Первая* из них — в случае сосредоточения внимания на промышленном развитии региона, который определялся доминированием аграрного и ремесленного секторов экономики, — может быть очерчена как перспективно-модернистская. Ведь победа той или иной общности в конкуренции за доминирование в городском экономическом организме виделась современниками предсказателем ее будущей модернизации. *Другая* очевидная причина превращения городов в объект межэтнической конкуренции связана с их значимой ролью в формировании культурного пространства региона / страны, наполнения его урбанистической культурой. К тому же в условиях трансформационных процессов, в частности на северо-западных украинских землях, получение контроля над городами означало перспективу эволюции культурного гештальта из еврейского на украинский или польский или же с иудейского на греко-католический или римо-католический. *Третий* фактор, который обусловил межэтническую конфронтацию на почве вопроса о доминировании той или иной общности в городах, связан с их ролью в общественно-политической жизни. При таком прочтении роли городов контроль над ними формировал метафизический символ — символ политического доминирования.

I

В процессе конкуренции за город субъекты этнополитических процессов конца XIX — начала XX в. решали кардинальные для себя проблемы: получение преимущества в тех эпицентрах, которые символизировали перспективы экономической и социальной модернизации, первенства в формировании культурного и политического пространства города — региона — страны. Их роль и задания в этой борьбе выглядят производными от статуса общностей: этническое большинство Западной Украины (украинцы) и фактически господствующая общность — поляки — пытались наполнить, укрепить социокультурное пространство городов Западной Украины, которые не без основания интерпретировались их лидерами своеобразными плацдармами для распространения собственных влияний как в городах, так и на селе. Другой цели пытались достичь евреи. Не претендуя на единоличное наполнение культурного пространства городских анклавов, они пытались сохранить свои позиции в их экономическом организме. Невзирая на участие в борьбе за доминирование в городах украинцев, основными визави поляков оставались евреи. Это предопределено как

относительно поздним вступлением в конкуренцию за город украинцев, так и теми позициями, которые издавна занимали в них евреи. Однако, несмотря на время вступления в борьбу за городские анклавы тех или других общностей, противостояние превратилась в значимый критерий формирования отношений в межэтническом треугольнике «украинцы — поляки — евреи».

Издавна в Западной Украине росла этнопсихологическая дистанция между селом и городом. Важную роль в процессе ее упрочения сыграло формирование этнического бизнеса. Согласно с выводами Ю. Бачинского, уже в конце XIX в. стало понятно, что украинский крестьянин не нужен городу (Бегей, 2001: 121). Причина этого — слабость индустриального сектора экономики Западной Украины, который не создавал спроса на рабочую силу. Представители этнического большинства, которые не выдерживали конкуренции на селе и пытались интегрироваться в городское производство или сферу услуг, не смогли реализовать своих намерений, и отчасти потому, что рынок труда формировался главным образом польскими и еврейскими работодателями. Поэтому «закрытость» города перед украинцами, вероятно, дала о себе знать, повлекла формирование или упрочение мемориального типа социальной солидарности, который рядом с религиозным и мифологическим включает этнический компонент (в данном случае «чужое», неукраинское лицо города). Он и стал одним из катализаторов этносоциального украинско-еврейского противоборства за город.

Например, комментируя результаты переписи населения в 1880 г., Т. Рутовский писал: *«Украинское население в огромном своем большинстве есть только сельское, а украинцев на селе проживает 90,16%; едва 4,29% в городах, 5,55% в местечках, а вообще лишь 9,84% в городских общинах. Взвесив, что города и местечки являются центром властей, правительств, городской интеллигенции, адвокатов, нотариусов, врачей, всевозможных служб здоровья, ученого мира, литераторов, учителей, артистов, инженеров, архитекторов, строителей — словом, либеральных занятий, промышленности, торговли, денежных институций, банков, сберегательных касс, сберегательных обществ, всевозможных союзов, органов безопасности края, владельцев домов, рантье, то вышеупомянутые цифры удостоверяют, что украинское население является очень мало представленным во всех тех занятиях, отдаваясь преимущественно земледелию»* (Rocznik, 1888: XVII).

Следовательно, политические лица краевых городов тогдашней Западной Украины — Львова и Черновцов — формировались прежде всего в ином социокультурном измерении. Вероятно, при условии сосредоточения внимания на микроуровне аналогичные утверждения можно постулировать и относительно провинциальных городов. Свидетельством этого является категория «штетл» (языком идиш — местечко).

Российский ученый Е. Рашковский утверждает: *«Силой исторических обстоятельств штетл оказался будто анклавом Востока в сердце Центральной и Восточной Европы… Восток этот был особенным — не просто будто случайно затиснутый в Европу и не только диаспорный, но Восток свойственно еврейский, иудейский, библейный»* (Рашковский, 1999: 11). Его существование в Западной Украине — один из факторов, который определял сосуществование инаковостей в локальных пространствах, административных единицах. В то же время именно штетл стал одним из катализаторов политической конкуренции. Ведь в зависимости от победы или, по крайней мере, превалирования конкурирующих ценностных импульсов в духовной жизни города / местечка определялось их этническое (в большинстве случаев польско-еврейское) лицо. Например, С. Гольдельман писал об украинском городе в составе Российской империи так: *«Город в Украине был почти совсем "русским" в его внешнем виде. Он был традиционно русским в его чувствах и наклонах. Это состояние преобладало особенно в больших и среднего размера городах… Но потому, что жиды составляли значительную часть городского населения даже в больших городах, а достаточно часто они были большинством во многих городах среднего размера и почти во всех местечках, то этот русский внешний вид украинского города легко было отнести на счет жидов…»* (Ґольдельман, 1964: 20).

Современники с возмущением писали о засилии депутатов-евреев в составе Львовского городского совета 1899 г.: *«…О судьбах города будут размышлять раввины, ихние одноверцы, конечно, по своему… 18% жидов в городской думе столицы края в престольном городе Червоной Руси, а ни одного русского… Характеристично для польско-русских отношений в Галиции, свидетельство веродостойности для тех, которые с эмфазою лгут перед миром, что они kochają rusinów!..»* (Жидовѣемъ, 1899, 30.05).

Новые детерминантные импульсы для последующего развертывания процесса политизирования макросоциальных групп несли в себе украинское и польское этническое возрождение и противоборство двух этнонаций вокруг вопроса о статусе Западной Украины в пределах Австро-Венгрии (Die Frage des Status…, 1887: 234, 256). Не менее важными были и корреляция соотношения макросоциальных сил, формирование новых конкурирующих / конфликтных спаринг-«партнеров» или же коррекция взаимоотношений старых визави, особенно в случае евреев. Поэтому представители украинского политикума Западной Украины стремились заполнить духовное пространство городов собственной культурой. Эти задания исповедовали, в частности, партии национально-демократического направления — например, авторитетная Украинская национально-демократическая партия, для которой главными визави в городах выступали евреи, а за ними поляки: «…

будем одолевать всякие действия поляков, которые выступают за полонизацию русинов и к поддержанию гегемонии поляков над русинами. ...Будем одолевать жидов настолько, насколько эксплуатируется наш народ, ведь они вредят нашим экономическим и моральным интересам или, поддерживая наших политических противников, вредят нашему национальному делу» (Наша народна тактика, 1900: 18(30).01).

Здесь фактически ретранслировались тезисы программы «Руського» клуба в Галицийском краевом сейме, который руководствовался не только идеями о мирном сожительстве всех народов Австро-Венгрии, соблюдении их конституционных прав и религиозно-национального равноправия (учитывая сложный комплекс украинско-польских отношений в Западной Украине), но и необходимостью подъема мелкотоварной среды городов и местечек, формирования собственного этнического бизнеса (Звернення, декларації, листи..., л. 3, 3 об., 4, 4 об.). Несмотря на такой тон программных заявлений, лидеры партии не переставали заявлять, что украинско-галицкому политикуму недостает мобилизации национально собственных государственнических сил в городах: *«...Мы разбросаны, расколоты, не держимся вместе, не выступаем совместно, потому и не защищаем тисячи наших* (соотечественников. — И. М.) *в городах... нам очень нужна организация, объединение сил, солидарное мышление...»* (Звернення, декларації, листи..., л. 29, 30). Хотя задачи интеграции украинцев в города ставились на повестку дня отдельными их партиями на рубеже XIX—XX вв., они вступили в конкуренцию за получение крепких экономических позиций лишь в начале 1930-х гг. (Гон, 2006: 252).

Заметим, что стремление украинской общественности к обновлению своей социальной структуры, создания рядом с крестьянами социальной группы горожан, определяло новый ракурс межнационального диалога — борьбу за города. На протяжении исследуемого периода города олицетворяли для украинцев не только анклавы инонационального населения, но и часто своеобразную социальную terra incognita. Конкуренция украинского населения за город, присущие ему профессии — не только средство для преодоления социальных проблем, но и вынесение на повестку дня общественно-политической жизни вопроса о его этническом лице. Будущий город должен был стать «своим», убраться в украинские одеяния. Следовательно, на обновленные города Западной Украины возлагалась важная социальная функция — превращение их в центры украинского образования, культуры, которые бы работали в интересах села. Однако, как показала эмпирика периода конца XIX — начала XX в., украинцы не имели особенных шансов не победу. На пути стояли социально-экономические бастионы поляков и евреев, которые формировались благодаря крепким позициям в ремесленничестве, торговле и свободных профессиях. Несмотря на то что титульная нация

Западной Украины достигла определенных успехов в конкуренции с евреями в сельской местности, она не смогла достичь существенных сдвигов в борьбе за экономику в городах.

Ведь приметным признаком конкуренции или непосредственной борьбы макросоциальных групп следует признать и тот факт, что они в результате особенностей этнополитики Австро-Венгрии и деятельности политических актеров титульного этноса стали составляющими структурных конфликтов. Это предопределялось попытками региональных властей и партийных сил усилить польский *stan posiadania* на территориях, где титульный этнос составлял меньшинство, откорректировать в его пользу этнодемографический состав населения в городах Западной Украины. Первопричина углубления конфликта между разностатусными группами — старания титульного этноса нивелировать функционирующие в социокультурном пространстве культурные подсистемы, ассимилировать «чужих». Между тем противоречия равностатусных субъектов возникали как реакция дискриминированного этнического большинства региона на окультурацию «других». В условиях конфронтации с нацией-государством и экстраполяции этнокультурных процессов в политическую сферу даже интегративная форма окультурации воспринималась украинцами как опосредованная поддержка «чужих». Взаимное отрицание — «мы» и «они» — устремлений привело к конкуренции групп, которая в конце XIX — начале XX в. в некоторых случаях эволюционировала в этнические конфликты.

В политической сфере этнические конфликты проявились в форме конфликтов интересов и интеграции. К первым предлагаем отнести: 1 — стремление украинцев к этнополитическому ренессансу и противопоставлению себе региональной власти (польской администрации) и еврейского населения; 2 — попытка поляков ассимилировать «чужих»; 3 — защита этническими меньшинствами своих культурных ресурсов. Среди причин конфликтов интеграции значимыми являются: 1 — отказ правительства Австро-Венгрии удовлетворить требования украинцев относительно возможности территориальной автономии в Западной Украине — регионе их ареального обитания; 2 — неготовность центральной власти и титульного этноса реализовать принцип равноправия групп относительно принятия кардинальных решений проблем развития государства. Номинация этническими лидерами актуальных для групп неурегулированных согласно их экспектаций проблем, этнополитическая мобилизация ради их решения в свою пользу показала, что отдельные дефицитные ресурсы провоцировали пересечение сфер, в которых возникали противоречия и конфликты. Такая амбивалентность театра действий прослеживается, например, в украинско-еврейской конкуренции за территорию: будучи весомым для аграрно-индустриального общества

экономическим ресурсом, а в то же время необходимой предпосылкой для создания государства, земля стала предметом конфликтов как в этносоциальной, так и в политической сферах (Гон, 2006: 242, 246).

Возвратимся к краевым центрам Западной Украины. В 1880-х гг. самыми многочисленными во Львове были поляки (53,4%), на втором месте — евреи (28,2%), на третьем — украинцы (15,9%). За 30 лет прирост украинцев составил 124,7%, то есть их количество больше чем удвоилось. Медленнее росло число евреев — на 85,4% за 30 лет, еще медленнее поляков — на 80,0%. Неравномерность количественного роста трех национальностей привела к определенному изменению их удельного веса в составе всего населения города в 1910 г. Снизился процент поляков — к 51,2%, евреев — к 27,8%. Процент украинцев повысился, они составили почти пятую часть всего городского населения (19,1%). Об этом свидетельствуют следующие данные (таблица 1).

Таблица 1. Население Львова в 1880–1910 гг.

Год	Всего населения	Вероисповедание и национальность			
		Греко-католики (украинцы)	Римо-католики (поляки)	Израелиты (евреи)	Другие
1880	109 746 100%	17 496 15,9%	58 602 53,4%	30 961 28,2%	2687 2,5%
1910	206 113 100%	39314 19,1%	105469 51,2%	57387 27,8%	3943 1,9%
Прирост населения Львова в 1881–1910 гг.					
	96 367 87,8%	21 818 124,7	46 867 80,0%	26 426 85,4%	1 256 46,7%

Примечание. Таблица 1 составлена на основании: Драк, 2004: 277; Bihl, 1980: 885.

Относительно краевого центра Буковины — Черновцов — этнодемографическая ситуация в аналогичный период по показателям религиозной принадлежности выглядела следующим образом (таблица 2).

Таблица 2. Население Черновцов в 1880–1910 гг.

Год	Всего населения	Вероисповедание							
		Православные		Католики			Протестанты	Иудеи	Другие
		Греко-	Армяне-	Римо-	Греко-	Армяне-			
1880	45 600 100%	9650 21,2%	27 0,06	13376 29,3%	5636 12,4%	249 0,5%	2200 4,8%	14 449 31,7%	13 0,03
1910	87 128 100%	20615 23,7%	31 0,04	23474 26,9%	9588 11,0%	311 0,4%	4369 5,0%	28 673 33,0%	127 0,15
Прирост населения Черновцов в 1881–1910 гг.									
	41 528 91%	10 965 113,6%	4 14,8%	10 098 75,5%	3952 70,1%	62 24,9%	2169 98,6%	14 224 98,4%	114 876,9%

Примечание. Таблица 2 составлена на основании: Bihl, 1980: 885; Petraru, 2004: 192, 193.

Не отставали от краевых центров и 19 больших восточногалицийских городов, в которых за 1880–1910 гг. еврейское население увеличилось на 37,2% (42 558 чел.) (Драк, 2004: 281).

II

Межэтническое сосуществование и / или межэтническое противостояние в западноукраинских городах находило свое отображение в существовании так называемых *параллельных миров* — когда представители разных народов проживали на соседних улицах или в отдельных участках в пределах одного населенного пункта, но в ежедневной жизни практически не контактировали между собой. Типичный пример — ситуация в г. Коломые, где *«жизнь плыла тремя герметически разделенными течениями. Украинцы, поляки и жиды составляли плотно замкнутые группы, чтобы не сказать гетто. Так было в языковой, товарищеской, культурной, политической и религиозной сферах»* (Витвицький, 1991: 12). Аналогичную ситуацию можно смодифицировать как явление «тройного» Львова (Львов украинский, Львов польский, Львов еврейский) или «квартетных» Черновцов (Черновцы украинские, Черновцы румынские, Черновцы еврейские, Черновцы немецкие), «двойного» или «тройного», а временами и «квартетного» Станиславова (теперь Ивано-Франковск), Дрогобыча, Тернополя, Ярослава, Яворова и др. (Monołatij, Witenko, 2007: 116). Население праздновало врозь даже национальные или общегосударственные памятные дни. Этому способствовали и многовековые традиции, и позиции церкви или религиозных товариществ, и разные календарно-обрядовые отличия. Дало о себе знать и то, что образование общих польско-украинских, христианско-еврейских или любых других экономических, политических, культурных обществ было чрезвычайной редкостью. Если же такое и случалось, то очень быстро эти организации становились исключительно моноэтническими (Monołatij, Witenko, 2007: 117, 118).

Поскольку большинство евреев (70% в 1900 г.) жило в городах и местечках Западной Украины, а большинство украинцев — на селе, отношения между первыми и вторыми проявлялись, по мнению Я. Грицака, как типичный антагонизм между городскими жителями и крестьянами (Грицак, 2006: 340). Именно об этом современники писали: *«...отовсюду выжимают нас жиды. Большие капиталы... проходят исключительно через их руки. Как те пауки, опутали наши города... склепами, шинками... Наша общественность «жидовеет» и деморализуется. Наш пан без жида не предпримет и шага, как мужик без жида не будет рожать, не окрестится, не обвенчается, не умрет...»* (Савчук, 2001: 39).

Симптомы межэтнической конкуренции за землю прослеживаются между украинцами и евреями. Один из его факторов — психологическое давление, создание атмосферы социальной обструкции евреев. Ее отражает, на наш взгляд, листовка, которая летом 1910 г. распространя-

лась в местечках Станиславовского уезда: *«Братья Христиане! Нашим святым долгом в лице неба и земли является: бойкотировать жидов на каждом шагу, т. е. не покупать никаких товаров у жидов; не продавать им яйца и другие плоды нашей земли, хлеб, картофель и т. п.; не дарите им свои силы и здоровье, свой пот, работая на них. Словом: не обогащайте врагов св. Веры!»* (Дело по обвинению Ляховича Дмитрия..., л. 13, 16–18 об). Очевидно, такие оценки появились, потому что в сознании христиан и аграриев качества, присущие торговцу и посреднику, были малозначимыми, по меньшей мере — вторичными. А на фоне символа крестьянского труда — пота и мозолей — еврейский торговец считался эксплуататором. Акции бойкота имели не только экономические последствия. Их, на наш взгляд, следует трактовать и как средство психологического вытеснения евреев из города. Оно осуществлялось путем морального давления, по большей части без применения методов насилия.

Этнокультурное разделение труда на западноукраинских землях взаимоотделяло «своих» и «чужих», поскольку оно издавна определяло главный критерий выделения тех или других общностей из массы народностей. Почву для формирования взаимных, «монохромных», по определению М. Гона, образов сообществ, которые сосуществовали бок о бок (в частности, украинцы — земледельцы, евреи — торговцы) создавала условная триада: местожительство, производственная деятельность, социальное «мы» — опыт (Гон, 2006: 75). На наш взгляд, исключительной была экономическая взаимозависимость города и деревни, которая, однако, не изменяла общую картину существующих линий разграничения. Это прослеживается на срезе сакрализации крестьянами земли при одновременном пренебрежении сферой торговли.

Иным было отношение к городу евреев. Их долговременное обитание в нем привело к закономерному результату — сроднению с городом, насыщению его особенным национальным духовным пространством еврейской культуры, к тому же в значительной мере традиционалистской. Этот микрокосм с особенной контрастностью проявился не столько в больших урбанизированных центрах, как в первую очередь в местечках. Следовательно, евреи чувствовали себя в городе как дома, между тем как украинцы городов Западной Украины только начинали новый этап своего бытия — модернизации. Само стремление последних к обновлению своей социальной структуры стало и предпосылкой украинско-еврейского противостояние.

К тому же тех иноэтнических представителей, которые проживали в городах, но время от времени появлялись в селах как торговцы и посредники, христианская общественность по большей части деперсонифицировала. Известны случаи физической расправы над еврейскими предпринимателями, например избиение в городке Бучаче владельца мельницы Рубина Нейфельда. Об-

виняемый Иосиф Мержвяк скрыл на телеге плуг, которым работал на арендованном поле, не заплатив. Когда же посредник обратил на это внимание, тот избил его, обзывая «жиде паршивый», пострадавший не выходил на работу три дня (Дело по обвинению Мерживяка Иосифа…, л. 4, 4 об.).

То, что субъекты этнополитических процессов применяли физическую силу относительно «чужих», показывает, что это стало одной из форм действий участников межэтнического соперничества и конфликтов в городах Западной Украины. Применение насилия может трактоваться как направленное на маргинализацию «чужих» в разных областях общественной жизни.

Катализирующий украинско-еврейское межэтническое напряжение элемент становится очевидным, если применить вывод Н. Дж. Смелзера относительно позиционирования в этнически гетерогенном и поликультурном пространстве тех «чужих», которые пытаются получить экономические позиции в регионах с туземным этническим большинством (Смелзер, 2003: 78). Они, утверждает ученый, не только стремятся успешно конкурировать на рынке, но и проявляют тенденцию к социокультурной самоизоляции. Созвучные тенденции, продемонстрированные еврейским населением в городах Западной Украины, усиливали этнопсихологическую дисгармонию между «я» и «не-я», а стремления украинцев защитить свои экономические интересы насыщали это ощущение.

Следовательно, в широком спектре причин межэтнических противоречий значимое место занял фактор модернизации. Он сработал в нетрадиционной для тогдашних стран форме, определялся другими параметрами. Модернизационный модуль конфликта оказался действенным не в атмосфере стремительных изменений, предопределенных динамическим экономическим развитием, а в условиях отсталого региона — Западной Украины. Он был отмечен усилиями местного этнического большинства, направленными на смену своей социальной структуры, преодоления неструктурированности.

Межэтническая конкуренция, которая в отдельных случаях приобретала признаки актуализированного этносоциального конфликта, служила дополнительным фактором мобилизации групп. Предприимчивость евреев в защите своих экономических позиций была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, преимущества в городах Западной Украины стремились достичь как украинцы, так и поляки. При этом ни местное этническое большинство, ни титульный этнос Австро-Венгрии не выдвигали идеи налаживания сотрудничества с «чужими» для достижения преимущества над третьей стороной. Напротив, как для одной, так и для второй евреи олицетворяли преграду (Die Frage des Status…, 1887: 123, 287, 296). Во-вторых, избыток населения в селах делал невозможным для евреев диверсификацию социальной структуры. Очевидно, что в услови-

ях острого дефицита земли попытки евреев проникнуть в местечки вряд ли нашли бы одобрительную оценку со стороны украинцев. Красноречивым является случай в местечке Лужаны Кицманского уезда на Буковине в конце 1893 г. Члены украинского общества «Читальня» радикально выступили за изгнание евреев из местечка. Как довод приводилась невозможность конкурировать с ними на равных в мелкотоварном производстве (Переписка с Кицманским уездным управлением…, л. 2–5).

Шкала этнических приоритетов разграничивала украинцев и евреев, так как в результате длительного взаимодействия в конкретном этнополитическом организме появлялись аргументы для отстаивания утверждений относительно пафоса побед или поражений. И первое, и второе, а также предпосылки — своеобразная стартовая позиция, которая определяла настройку этнофора на поиск причин неудач «своих» или же наоборот. Красноречивый пример этого — трактовка украинско-еврейских взаимоотношений в городах Западной Украины. Ведь исторически складывалось так, что периоды межэтнических отношений перебивались или периодами межэтнического внегосударственного сосуществования / общения, или периодами порабощения одним другого, когда один из народов терял свою государственность. Это наглядно иллюстрирует мнение С. Гольдельмана: «*Соседские взаимоотношения, в частности на хозяйственной почве, в торговле и ремесленничестве, были издавна достаточно тесными, как также важные для обоих народов. Но настоящего взаимного познания... вовсе не было, а о хороших соседских отношениях можно было говорить менее всего. Как раз наоборот...*» (Ґольдельман, 1967: 16).

Невзирая на то что сферы экономической активности евреев включали широкий спектр профессий, доминировали среди них мелкотоварное производство и торговля. Последнюю украинцы и поляки в западноукраинских городах считали унизительным для себя занятием. Главной фигурой оставался крестьянин, в ремесле — тип мелкого ремесленника (процент которых не превышал 0,7), а чиновники составляли лишь 0,4% (Грицак, 2006: 343). Сюда же добавлялись взаимные стереотипы, дистанционирование христиан и иудеев на почве экономического соперничества. Это и мешало их тяготению друг к другу.

Новая тенденция во взаимодействии евреев и украинцев — стремительная активизация их соперничества в сфере экономики, которая предопределялась деятельностью кооперативов последних, — обозначилась в 1910-х гг.

Укрепление сегмента «своих» в профессиях, характерных для городского уклада жизни, осуществлялось украинцами благодаря организации поддержке интеллигенции из числа собственной группы. Лидеры украинской кооперации распространяли призывы бойкотировать еврейские магазины, открывать собственные, частные и кооперативные, руководствуясь принципом: «Организуем то, что умеем, производим с того,

что имеем» (Савчук, 1999: 110). Торгово-посредническая деятельность направлялась на создание собственной инфраструктуры, способной конкурировать с еврейской и польской. Уже в 1913 г. только украинская потребительская кооперация объединяла 92 кооператива и организации «Народна торгівля». Последняя имела свои филиалы в Тернополе, Станиславове, Перемышле, склады — в Дрогобыче, Коломые и других городах. За период с 1888 по 1914 г. ее торговый оборот увеличился с 309 345 крон до 2 552 804, а прибыль — более чем в 2,5 раза (Компанієць, 1960: 51). Некоторые торгово-кооперативные организации, созданные украинцами, пользовались финансовой поддержкой со стороны австрийского правительства. Таким было, например, общество «Сільський господар», которое в 1910 г. получило правительственную субсидию в размере 133 000 крон на год. Благодаря этому обществу удалось открыть свои филиалы в Стрыю, Залещиках, Жидачеве. В 1912 г. их насчитывалось уже 90 (Погребинська, Гон, 1997: 12). В то же время в контексте украинско-еврейского сожительства в городах исследуемого региона оценка кооперативного движения является в целом контрверсийной. С одной стороны, важным является тот факт, что незначительная часть евреев сотрудничала с украинскими кооперативными институциями. Отсутствовало единодушие среди украинцев относительно лозунга «Свой к своему!». В то время как часть руководителей украинских политических партий обосновывала его логичность и закономерность для нации, которая пытается модернизировать свой экономический организм, лидеры кооперативного движения относились к нему с осторожностью, даже отрекались от него. Можно допустить, что мотивация последних — конфронтационность, которую вносил лозунг в межнациональные отношения (Гон, 2006: 253).

С другой стороны, в начале XX в. евреям в городах Западной Украины пришлось столкнуться с мощным противодействием как со стороны активистов украинского и польского национальных движений, так и со стороны традиционно контролируемых поляками местных административных органов. Распространялись призывы бойкотировать еврейские магазины, лидеры украинского национального движения призывали украинцев открывать собственные магазины. Параллельно в борьбе за позиции в торгово-посреднической деятельности активное участие принимали и поляки, в частности объединение «Kolka rolnicze». Властные структуры систематически создавали преграды для участия евреев в городской торговле. Вследствие этого еврейские торговцы оказывались в неравных условиях со своими христианскими конкурентами (Въ жидовскои службѣ..., 1896, 21.02).

Один из тогдашних примеров — пропаганда общественно-политическими изданиями идеи взаимоподдержки членов группы, призывы так называемой христианской общественности обходить торговые заведения «чужих» — евреев.

Межэтническая конкуренция в городах приобретала жестокие правила игры, поскольку ее пропагандисты понимали, что принципы хозяйствования нарушают существующее этнокультурное разделение труда. Пример — украинско-еврейско-польский конфликт в прикарпатском г. Надворная, где в феврале в 1906 г., по сообщениям журнала «Słowo Polskie», в местной читальне украинского общества «Просвіта» якобы готовили резню против еврейских и польских мещан — главных конкурентов этнического большинства. Однако следствие, начатое против инициатора такой публикации, польского учителя из с. Волосов Надворнянского уезда Антона Сочинского, опровергло эту фальсификацию. Во время следствия, которое дошло до Генеральной прокуратуры в Вене, оказалось, что к делу причастен руководитель местного уездного старостства, поляк по национальности (Дело по обвинению Сочинского Антона…, л. 2, 2 об.).

Такие последствия этнонационализма подтверждают вывод Д. Зенгхааса о том, что они, с одной стороны, являются предвестниками освобождения от дискриминации, с другой — приводят к самой изоляции этнических групп (Зенгхаас, 1994: 185). Последнее является результатом идеализации, даже сакрализации «мы»-переживаний независимо от защитной или наступательной роли, которую осуществляют или вознамериваются осуществлять этнонациональные общности. В случае их отказа от удовлетворения «они»- интересов достоверным является крен межэтнического взаимодействия в плоскость конфликта или углубление двусторонних противоречий.

Можем предположить, что ощущение национального единства и законы самосохранения привели как евреев, так и украинцев к отстаиванию и защите собственной позиции и, в конце концов, к тому, что каждая из сторон по большей части не слышала аргументов другой. Следовательно, взаимоотчужденность — наилучшее определение парадигмы украинско-еврейских взаимоотношений в городах Западной Украины конца XIX — начала XX в.

Выводы

Реалии украинско-еврейской конкуренции в городах Западной Украины структурно вписались в восточноевропейский экономический сюжет, где прежнее доминирование «торговых» меньшинств подвергалось конкуренции со стороны титульных наций. Украинско-еврейская конкуренция возникла как следствие двусторонних инициатив противодействующего плана. С одной стороны, это поддерживаемая титульным этносом региона (поляками) этнополитика Вены. Она ограничила доступ этнических меньшинств к перераспределению основного экономического ресурса региона, сузила их возможности на достойное удовлетворение ценностей благополучия (физические блага и реализация интеллектуальных ресурсов этнофоров — «чужих»). С другой — контракции этнических меньшинств, целью которых

была защита «мы»-интересов. Если учитывать особенности субъектов этнополитических процессов в западноукраинских городах, можно говорить, что такие интеракции свидетельствуют о функционировании межэтнических противоречий и развертывание конфликтов в их вертикальном и горизонтальном вариантах. Следовательно, и попытка украинцев изменить существующее этнокультурное разделение труда повлекла углубление противоречий с моностатусными «чужими». Номинация их этническими лидерами и политическими акторами задания преодоления социальной неструктурированности группы не только вызвала новую фазу политизирования этничности «своих», но и в результате открытого противопоставления интересам евреев привела к изменению характера их взаимодействия от напряженности к межэтнической конфронтации. В то же время город в Западной Украине выступал театром конкуренции «своих» и «чужих».

Эта конкуренция — признак протомодернистского за своим естеством конфликта, который стал возможным в реалиях патриархальной экономической структуры региона. Антология антагонизма групп удостоверяет не только политизирование недовольства, но и расширение субъектов межэтнической конкуренции от двух- к трехстороннему формату, участие в ней как равностатусных, так и разностатусных сообществ, полипредметность их противоречий. Исходя из того, что конкуренция украинцев и евреев за доминирование в городах происходила в реалиях экономически аутсайдерного региона, предлагаем выделять в модернизационной концепции межэтнических противоречий и конфликтов их протомодернизационный вариант. Основываясь на факте невосприятия политических символов конкурирующих групп, особым типом межэтнических противоречий в политической сфере можно трактовать семиотический.

Методы, которые применялись участниками политических противоречий и конфликтов, колебались от психологического давления к применению непосредственного физического насилия относительно «чужих». При этом в отдельных случаях ими использовался принцип коллективной ответственности этнонациональных общностей. Это, как и неуступчивость конфликтующих сторон, с одной стороны, и вражда групп и их конкуренция в иных сферах общественной жизни, с другой, вносило в межэтническое взаимодействие избыточную эмоциональность и категоричность в защите «мы»-интересов. Допускаем, что причины конфликтов имели амбивалентный характер. Ведь в случае столкновения интересов главных этнонаций региона — украинцев и поляков, которое предопределено прежде всего борьбой за основной в аграрно-индустриальном обществе природный ресурс, речь шла о получении преимущества одного из этнонациональных сообществ в сфере традиционных методов ведения хозяйства. Зато их инициативы, направленные на смену существующего этнокультурного разделения тру-

да — на ослабление позиций евреев в сфере мелкотоварного производства и услуг, — олицетворяют тот тип конфликта, который можно обозначить протомодернистским. Он происходил как между разностатусными (поляки — евреи), так и равностатусными (украинцы — евреи) группами. При этом в результате значимости заданий, которые пытались реализовать их участники, все конфликты набрали формы этнических манифестаций. Другими словами, они стали конфликтами «массовых действий».

Таким образом, отсутствие развитого индустриального производственного сектора Западной Украины конца XIX — начала XX в. определило структуру всех без исключения сегментов этносоциального организма. Культурное разделение труда привело к упрочению межэтнической социокультурной дистанции, а закономерное стремление украинцев и евреев к обновлению собственной социальной структуры — к борьбе за доминирование в городах. Однако существенным было самоустранение украинцев от города как такого, от урбанизации в целом. Тогдашнее краевое общество Западной Украины за своей имманентной сущностью оставалось традиционалистским. Сдерживающими, хотя неосновными факторами здесь выступали инонациональный характер города (по большей части польско-еврейского) и отсутствие разветвленной индустриально производственной структуры.

Главная же причина самоотречения украинцев от полноценной интеграции в города заключалась в специфике мышления традиционного общества. Именно в нем одной из главных, определяющих ценностей выступала земля, с которой связана многовековая практика передачи социального опыта. То, что здесь шла речь о так называемом первенстве в производстве и торговле, активизировало вопрос об этническом облике общностей и групп. Отличия последних в их социальной структуре способствовали герметизации этнонаций в лоне собственных интересов. Например, при условиях доминирования неэффективных, почти архаичных методов ведения хозяйства украинцы и евреи становились пленниками собственной социальной структуры. Следовательно, их основные роли в тогдашней экономической жизни определялись социально-профессиональной структурой, в которой украинцы ассоциировались с сельскохозяйственным производителем, евреи — с профессиональными занятиями, присущими тогдашнему городскому укладу жизни, — ремеслом, торговлей, свободными профессиями.

Литература

1. Бегей, І. Юліан Бачинський: соціал-демократ і державник. Київ.: Основні цінності, 2001.
2. Бовуа, Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / пер. з фр. К.: Критика, 1998.
3. Витвицький, В. Коломия. Спогади // Чорногора. Коломия, 1991. Ч. 1. С. 10–16.
4. Въ жидовскои службѣ // Галичанинъ. 1896. 21 февр. (2 марта).
5. Гон, М. Особливості міжетнічної взаємодії в контексті політичних процесів на західноукраїнських землях у міжвоєнний період. Монографія. Рівне: Волинські обереги, 2006.
6. Грицак, Я. Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота (1856–1886). К.: Критика, 2006.
7. Дело по обвинению Ляховича Дмитрия и др. за распространение листовок «Браця християне», призывавших к бойкоту еврейского населения. 27.08.1910 — 14.09.1911 г. Державний архів Івано-Франківської області, ф. 225, оп. 1, спр. 113, арк. 1–30.
8. Дело по обвинению Мерживяка Иосифа за нанесение телесного повреждения Нейфельду Рубину. 25.10.1909 — 16.04.1910 г. Державний архів Івано-Франківської області, ф. 225, оп. 1, спр. 111, арк. 1–10.
9. Дело по обвинению Сочинского Антона за помещение в газете «Слово польске» заметки о подготовке украинцами резни на поляков и евреев в г. Надворна. 09.02.1906 — 04.04.1906 г. Державний архів Івано-Франківської області, ф. 225, оп. 1, спр. 89, арк. 1–13.
10. Драк, М. Східна Галичина: національний склад населення міста та містечок (1880–1910 рр.) // Матеріали V конгресу Міжнародної асоціації україністів. Історія: Збірник наукових статей. Ч. 2. Чернівці: Рута, 2004. С. 276–282.
11. Жидовѣемъ! // Галичанинъ. 1899. 30 мая (11 июня).
12. Звернення, декларації, листи та інші документи про діяльність Ю. Романчука як голови об’єднаного українського депутатського клубу в австрійському парламенті. 1890–1923 рр. Центральний державний історичний архів України у Львові, ф. 382, оп. 1, спр. 1, арк. 1–63.
13. Компанієць, І. І. Становище і боротьба трудящих мас Галичини, Буковини та Закарпаття на початку XX ст. (1900–1919 роки). К.: Вид-во АН УРСР, 1960.
14. Котигоренко, В. Причинність етноконфліктів: впливи глобалізації // Політична думка. 2002. № 1. С. 97–113.
15. Наша народна тактика // Діло. 1900. 18 (30) січня. С. 1.
16. Переписка с Кицманским уездным управлением по донесению жителей общины Лужаны на членов украинского общества «Читальня» о проведении ими агитации среди населения за изгнание из общины Лужаны жителей румынской и еврейской национальности. 29.12.1893 — 20.01.1894 гг. Державний архів Чернівецької області, ф. 3, оп. 1, спр. 5992, арк. 1–6.
17. Погребинська, І., Гон, М. Євреї в Західноукраїнській Народній Республіці (до проблеми українсько-єврейських взаємин). К.: НАН України; Інститут національних відносин і політології; Рівненський економіко-гуманітарний інститут, 1997.

18. Рашковский, Е. Дискурс о заблудившемся коне (еврейское местечко Центральной и Восточной Европы как всемирно-исторический феномен) // «Штетл» як феномен єврейської історії: збірник наукових праць. Матеріали конференції (30 серпня — 3 вересня 1998 р.). К., 1999. С. 9–18.
19. Савчук, Б. Просвітницька та соціально-економічна діяльність українських громадських товариств у Галичині (остання третина XIX ст. — кінець 30-х років XX ст.). Івано-Франківськ: Плай, 1999.
20. Савчук, Б. Корчма: антиалкогольна політика і рух тверезості в Західній Україні у XIX — 30-х роках XX ст. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2001.
21. Смелзер, Н. Дж. Проблеми соціології. Ґеорґ-Зімелівські лекції 1995 / пер. з англ. — Львів: Кальварія, 2003.
22. Bihl, W. Die Juden // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Im Auftrag der Kommission für die Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie (1848–1918) herausgegeben von Adam Wandruszka und Peter Urbanitsch. Band III: Die Völker des Reiches. 2. Teilband — Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. S. 880–948.
23. Die Frage des Status der Nationalitäten in Galizien und in der Bukowina. Österreichisches Staatsarchiv, Allgemeines Verwaltungsarchiv, Ministeruim des Innern, Präsidialle, 31 / Galizein, Kt 945—2531/1887. S. 1–321.
24. Monołatij I., Witenko M. Sąsiady nieznani: Wspólnoty etniczne Galicji Wschodniej w polityce Habsburgów. Iwano-Frankiwsk: Narodowy Uniwersytet Przykarpacki im. Wasyla Stefanyka; Instytut Historii i Politologii; Centrum Germanistyki Historycznej i Studiów Austriackich, 2007.
25. Petraru M. Polacy na Bukowinie w latach 1775–1918. Z dziejów osadnictwa polskiego. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004.
26. Rocznik statystyki przemysłu i handlu krajowego, wydany przez krajowe biuro statystyczne / pod red. T. Rutowskiego. Zeszyt 9: Ludność miast, miasteczek, gmin wiejskich i obszarów dworskich, podług wyznania i narodowści. Lwów, 1888. S. I–XX.